

Статья эта — лишнее доказательство того, какие ценнейшие наблюдения можно еще сделать в области исполнительства и как они могут по-новому раскрыть перед нами живой народный эпос.

В заключение мне хотелось привести слова из книги А. Уланова, которые можно рассматривать как призыв к возможно более широкой, не терпящей отлагательств, вдумчивой работе над живым (пока еще живым!) эпическим наследием: «Со сбором материалов по эпосу надо спешить: молодое поколение не знает эпических традиций, у него другие интересы, у него имеются возможности в свободное время заниматься спортом, искусством, творчеством. Это поколение эпосом ...интересуется больше всего в плане знакомства с достоянием прошлого. Мы же, фольклористы, должны сохранить все материалы, собрать все об улигерах и их исполнителях не только для науки, но и для извлечения из них всего ценного, всего достойного для будущих поколений»²⁶.

Б. Н. Путилов

²⁶ А. У л а н о в, Бурятские улигеры, стр. 21.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Herausgegeben von Laszlo Földes, Budapest, 1969, 900 S.

В последние годы в мировой этнографической науке наблюдается некоторое оживление интереса к исследованию скотоводческих народов. В результате этих исследований были опубликованы новые работы, однако количество их еще далеко недостаточно. Поэтому появление каждого нового труда, в основу которого положен оригинальный полевой материал, — безусловно большое событие в этой области науки.

Рецензируемый сборник является продолжением издания, начатого девять лет назад¹, и многим выгодно отличается от предыдущего. Прежде всего широтой охваченных географических регионов и скотоводческих народов, разнообразием тематики, большим вниманием к серьезным теоретическим проблемам. Его авторский коллектив многочислен, ряд статей принадлежит советским исследователям.

Объем сборника довольно велик. Он насчитывает более 900 страниц и состоит из введения, 37 статей, заключений, словника и указателей. Рассмотреть все статьи сборника здесь невозможно, только перечисление их названий и самая краткая аннотация потребовали бы во много раз больше места, чем отводится для журнальной рецензии. Поэтому остановимся только на тех статьях, в которых затрагиваются, на наш взгляд, наиболее важные проблемы.

Подávляющая часть статей второго сборника, впрочем, как и первого, посвящена скотоводческим народам Европы и лишь некоторые — скотоводческим народам Средней и Передней Азии и Африки. Все без исключения статьи насыщены богатым и разнообразным фактическим материалом, в основном мало у нас известным. Многие из впервые публикуемых данных, полученных в экспедициях, могут иметь большое значение при решении теоретических проблем истории кочевого, полукочевого и пастушеского скотоводства.

Интересно в теоретическом плане предисловие редактора книги Ласло Фельдеша. Так, заслуживает внимания его мысль о глубоких исторических связях между пастушеством Европы и скотоводством Азии и Северной Африки. Автор предисловия прав, когда говорит, что такие проблемы, как одомашнивание животных, возникновение подвижного скотоводства и т. п. могут решаться только на широком фактическом материале, собранном во всех областях, где происходили эти процессы. Но некоторые его взгляды представляются спорными. Так, Ласло Фельдеш склонен считать, что определенные черты сходства в животноводческом хозяйстве народов Средней Европы и различных областей Азии объясняются главным образом прямыми заимствованиями и миграциями. Так объясняется возникновение «малого кочевничества Европы», происхождение которого связывается с прямыми заимствованиями у средневековых азиатских кочевников в эпоху великого переселения народов. Думается, что этот подход несколько односторонен. Нельзя, конечно, отрицать факторы влияния и заимствований многих элементов хозяйства, скотоводческой терминологии. Но предположение о том, что начало европейскому пастушеству было положено только вторгшимися азиатскими кочевниками, находится в противоречии с известными археологическими данными о развитии животноводства в последнедикое время. Не отрицая возможности различного рода миграций, в том числе и хозяйственно-культурных, следовало бы, думается, уделить также самое пристальное внимание проблемам конвергентного развития хозяйства,

¹ Первый сборник вышел в 1961 г. под названием: «Viehucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa», Budapest, 1961.

выявлению общих закономерностей развития скотоводства в сходных условиях среды и общественного развития. Эта проблема весьма актуальна в плане исследования общих закономерностей развития хозяйства, общественной организации и социальной структуры скотоводческих народов.

Сборник открывают статьи, посвященные скотоводческим народам республик Советского Союза. Первая из них принадлежит перу известного советского этнографа и археолога С. И. Руденко и посвящена рассмотрению крупных теоретических проблем и задач исследования кочевничества на примере прошлого народов СССР (С. И. Руденко, «Исследования по кочевничеству»). Тематически статья распадается на две части. В первой говорится о возникновении кочевого скотоводства и его формах, во второй — об изучении традиционного молочного хозяйства. Рассмотрим проблемы, затронутые в первой части. Касаясь одомашнивания животных, С. И. Руденко выступает сторонником одной из наиболее вероятных гипотез, согласно которой domestikации подвергались главным образом молодые животные. Автор предлагает выделить три этапа-варианта развития кочевнического хозяйства: 1) часть племени (или его подразделение) обитает оседло, часть кочует более или менее длительное время на пастбищах, 2) все племя покидает весной зимник и кочует до поздней осени, 3) племя кочует круглый год.

По мнению автора статьи, этим трем вариантам соответствуют этапы развития скотоводства от отгонного хозяйства к кочевничеству. В целом эта схема представляется вероятной, но с оговоркой, что историческая действительность могла быть значительно сложнее, иными могли быть и ступени развития и варианты перехода к кочевничеству.

Начало массового содержания скота в Восточной Европе и степях Азии С. И. Руденко относит к позднеандоновскому, доскифскому периоду. Интересны его взгляды на причины развития подвижного скотоводства. Как полагает автор, как раз в это время сложились условия, способствовавшие интенсивному обмену между степным и оседло-земледельческим населением. Степняки, стремившиеся получить в обмен на скот как можно больше оружия и предметов роскоши, умножали свои стада, что, в свою очередь, вынудило их вести более подвижное пастбищное хозяйство, сначала отгонное, а затем кочевое. Эта гипотеза интересна, но, как думается, все же односторонняя. Так, исходя из этой гипотезы, трудно найти ответ на вопрос, почему именно на рубеже II и I тысячелетий до н. э. сложились наиболее благоприятные условия для развития обмена на обширных пространствах Евразии, и почему затем в результате этого процесса к кочевничеству не перешло все полуседлое население. Следует также заметить, что в эпоху, когда происходило интенсивное развитие подвижного скотоводства, в различных ареалах его становления существовали неодинаковые экономические, политические и другие условия. Неодинаковыми были и условия для развития обмена. Тем не менее, становление подвижного скотоводства происходило на обширных просторах примерно одновременно. Спорной представляется также мысль С. И. Руденко о том, что первоначально к отгонному, а затем к кочевому хозяйству переходили только зажиточные хозяйства, тогда как менее богатые хозяйства оставались относительно оседлыми (стр. 24). Возможно, что в сравнительно небольших горных долинах Алтая такие процессы могли иметь место. Но на необятных пространствах степей и пустынь Евразии такая социально-хозяйственная дифференциация неизбежно вызвала бы крупные этнические последствия в виде полного разделения племен. Особенно трудно представить себе такую дифференциацию при частых тогда миграциях степного населения.

Рассматривая развитие скотоводства в степях Азии в XIX в., С. И. Руденко рисует интересную картину развертывавшихся тогда процессов. Однако следует отметить, что события рассматриваются несколько схематично (см. стр. 25). Между тем известно, что во всех областях Азии, где расселились подвижные скотоводы, политические, хозяйственные и социальные условия заметно изменялись в течение столетия. Поэтому трудно, например, согласиться с высказываниями автора о том, что в XIX в. зимники и обрабатываемые земли от Урала до Восточной Монголии находились в частной собственности семей. Это справедливо только для отдельных областей, да и то к концу рассматриваемого столетия.

Малоисследованному вопросу — раннесемитскому кочевничеству — посвящена статья И. Хеннингера «О раннесемитском кочевничестве». Заслуживает внимания его методический подход к проблеме. Исследуя ее, он исходит из предположения, что семиты могут рассматриваться исключительно как языковая группа, и что они никогда не представляли собой пра-семитской культурной общности. Автор отмечает, что существующие фактические данные свидетельствуют о том, что самые ранние из известных семитских народов, обитавших в середине III тысячелетия до н. э. в Передней Азии, были оседлыми земледельцами. Историю кочевничества этих народов автор связывает главным образом с одомашниванием и распространением верблюда. Из-за ограниченного количества материалов автор смог лишь присоединиться к распространенному мнению о развитии верблюдоводства во II тысячелетии до н. э. Хеннингер высказывает сомнение в переднеазиатском происхождении верблюдоводства и склонен скорее допустить, что оно пришло из Средней Азии.

Интересен, но спорен раздел, в котором автор статьи пытается доказать наличие кочевничества среди семитских народов во II тысячелетии до н. э. Как думает автор, уже в это время кочевыми были часть израильтянских племен и прото-бедуны. Однако

исторические данные, приводимые автором, неопределенны, туманны и скорее позволяют говорить о полуоседлости — таком состоянии хозяйства и быта, о котором Хеннингер даже не упоминает. То же самое можно сказать и о реконструируемом у части семитских племен «ослином кочевничестве» (*Eselnomadismus*) (стр. 52). Многие неточности в рассуждениях Хеннингера являются, очевидно, следствием того, что он не дал четкого определения понятию «кочевничества», вложив в него излишне широкий смысл.

Не лишена интереса статья А. С. Бежковича «Кочевое хозяйство и образ жизни киргизов (XIX — начало XX в.)». Автор, основываясь на интересном полевом материале, убедительно показывает общинный характер владения пастбищами. Поэтому некоторое удивление вызывают высказанные далее предположения о «родовых-феодалных» (?) отношениях у киргизов (стр. 111), противоречащие всему материалу, содержащемуся в статье. Не могу умолчать и о своем несогласии с выводом автора о том, что кочевание было первоначальным видом содержания скота (стр. 94). На этой проблеме нет нужды задерживаться, так как она детально освещена в рассмотренной выше статье С. И. Руденко. Но в целом описание хозяйства и быта киргизов выполнено весьма удачно.

Прекрасный материал и логически обоснованные выводы содержит интересная статья Б. Х. Кармышевой «Виды скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана».

Интересны две работы зарубежных авторов, из которых одна посвящена кочевникам Афганистана, другая — туарегам. Первая — «Кочевничество в Афганистане с приложением относительно молочных продуктов» — принадлежит перу К. Фердинанда, вторая — «Кочевничество и скотоводство у туарегов» — Ю. Николайсена. Авторы статей, используя методы традиционной этнографии, дают довольно подробный очерк хозяйства и быта этих народов. При недостатке этнографических данных приведенные материалы очень полезны.

Значительная группа работ посвящена интересной проблеме формирования скотоводческого населения в Средней Европе и его оседания на землю. Эти статьи написаны на основе широкого круга этнографических, археологических (палеоэтнографических), лингвистических и других источников.

С большим интересом читается работа С. Чалога «О кочевничестве захватывавших землю венгров (новый опыт установления фаз перехода к оседлости)». Автор предлагает оригинальную методику определения форм скотоводческого хозяйства и степени оседлости по сезонному распределению захоронений на кладбищах. Отсутствие на кладбище круглогодичных захоронений свидетельствует, по мнению автора, о подвижности хозяйства. Сопоставляя эти сведения с топонимическими и историческими данными, автор приходит к интересным выводам о путях развития земледельческой оседлости в средневековой Венгрии.

В нескольких работах рассматриваются вопросы формирования скотоводческого населения Карпат и валахская проблема. Решаются они авторами по-разному. Интересно в этом плане сопоставить статьи К. Добровольского «Замечания о методах исследования пастушеской культуры в Карпатах» и Д. Кранджалова «К вопросу о происхождении пастушества и его терминологии в Карпатах».

Первый автор склонен придавать большее значение в формировании скотоводческого населения Карпат пришлому элементу и его смешению, ассимиляции с местными жителями. Свои выводы Добровольский основывает главным образом на анализе языкового субстрата. Исследуя топонимику на различных хронологических этапах, он пытается наметить последовательность развития форм скотоводства в Карпатах: 1) старейшая кочевая, 2) отгонная, 3) сокращенная отгонная, 4) отгон стад на лето из деревень (стр. 209). Предложенная автором схема развития форм хозяйства вероятна, но недостаточно четко разработана и слабо аргументирована. Особенно это относится к предположению, что древнейший, кочевой тип скотоводства имеет балкано-румынское происхождение.

В свете решения этой проблемы важное значение имеет статья второго из названных авторов, посвященная вопросам возникновения пастушества и разбору словарного фонда населения Карпат. Анализируя исторические данные и словарный фонд валахов, Кранджалов выступает против предположения о том, что население Северных Карпат сложилось вследствие миграции туда румын из Семигорья (стр. 223). Он, основываясь на достаточно убедительном материале, отрицает румынское происхождение большей части субстрата валахского языка, а также так называемого «валахского права» (стр. 230, 231). Критикуя возрождающуюся гипотезу о том, что древнейшей хозяйственной формой у румын было кочевничество (стр. 229), автор не только критикует взгляды других авторов, но высказывает также интересные позитивные мысли (в частности, о происхождении валахов, которые сформировались, по его мнению, из украинских, польских, словацких, моравских, чешских, венгерских и немецких групп, переселившихся в Карпаты, стр. 229). Серьезного внимания заслуживает мысль о том, что румынская терминология, распространенная в области Тиссы и к северу от нее, никак не связана с прародинной румын и не может служить доказательством предположения об автохтонности румын к северу от Дуная. Тем более, что все основные слова обитающего там населения, относящиеся к скотоводству, славянского происхождения (стр. 238).

Ряд содержательных статей сборника посвящен описанию скотоводческого хозяйства в различных местностях Венгрии и Болгарии. Много места уделено в нем также описанию традиционного молочного хозяйства в самых различных европейских государствах.

Несомненный интерес вызывает статья О. Люрафи «Альпийский образ жизни, в частности, товарищества и хозяйственное освоение Альп и Тичино» об альпийском хозяйстве и скотоводческих объединениях в Тичино (Швейцария). Автор статьи приводит обширный фактический материал о формах распространенного там скотоводческого хозяйства и, что особенно важно, о видах собственности и об использовании пастбищ скотоводческими объединениями. Оказывается, что значительная часть пастбищ, перераспределяемых каждые 4—6 лет по жребью между группами (объединениями) животноводов (стр. 759 и след.), находится в собственности общин (общая собственность лиц, рожденных в общине «*Patriziat*»). Автор не ставит, к сожалению, вопроса о причинах бытования подобного рода собственности. Не пытается он и сопоставить свой материал с данными по другим скотоводческим народам и выяснить причины сохранения скотоводческих объединений, а ограничивается лишь замечанием, что они восходят к варварскому времени. Допустить, что в условиях высокоразвитого капиталистического хозяйства Швейцарии сохраняются без каких-то веских причин «варварские» традиции — совершенно невозможно. Очевидно, такие формы собственности существуют там в связи с совершенно определенными условиями и законами ведения скотоводческого хозяйства, вскрытыми в свое время К. Марксом. Сопоставление данных, сообщаемых Лурати о швейцарском скотоводстве, с данными о кочевниках и полукочевниках Азии наводит на серьезные размышления о существовании общих закономерностей у народов, ведущих скотоводческое хозяйство не только в области хозяйственных форм, но и в явлениях общественного порядка, в частности, в формах собственности, владения и пользования пастбищами. Весьма любопытно, что сходные отношения собственности и условия пользования пастбищами у кочевых народов Азии определяются многими авторами как феодальные. Однако сама мысль о бытовании феодальных порядков в современной Швейцарии представляется нелепой, и к тому же противоречит данным, сообщаемым в рассматриваемой статье. Это обстоятельство также может навести на серьезные размышления о характере собственности на средства производства у подвижных скотоводов Азии.

Много интересных фактических данных содержат три заключительные статьи сборника об отгонном скотоводстве к северу от Альп (ФРГ), о пастушестве в Португалии и об отгонном скотоводстве в Норвегии.

Говоря о сборнике в целом, следует отметить, что его выход в свет — явление несомненно полезное. Включенные в него работы содержат богатейший фактический материал, интересные теоретические выводы. Вместе с тем нельзя не остановиться на его слабых сторонах. Так, во введении редактор сборника Л. Фельдеш указывает, что составители старались включить в книгу материалы об исследованиях большого числа скотоводческих народов, сопоставить эти данные, сделать широкие теоретические обобщения. И действительно, в сборник оказались включенными работы не только по европейским, но и по азиатским народам. Однако органической связи между этими статьями не чувствуется. Если некоторые работы, написанные на европейском материале, обнаруживают между собой внутреннюю связь, логически развивают общие проблемы, то в «азиатских» материалах такая корреляция отсутствует. Ссылки на «азиатские влияния» и т. п. поверхностны и отрывочны. Между тем, как коротко было отмечено выше, сопоставление европейского материала с азиатским может дать важные научные выводы.

Другая слабая сторона сборника состоит, на мой взгляд, в том, что тематика его ограничена. В нем много интересных статей, содержащих общее описание хозяйства и быта тех или иных скотоводческих групп, работ, посвященных исследованию формирования скотоводческих народов, их оседания на землю. Особенно много статей посвящено традиционному молочному хозяйству. Это безусловно интересно. Однако хотелось, чтобы в сборнике рассматривались и такие важные проблемы этнографии, как общественная организация и социальная структура скотоводов, организация власти, формы эксплуатации.

Но, как известно, отмечать недостатки проще всего. Заслуги же редактора сборника, авторского коллектива несомненны, как несомненна научная ценность рассматриваемой публикации. Остается пожелать, чтобы вслед за вторым появились следующие издания, в которых еще шире и глубже ставились бы и решались наиболее существенные проблемы истории и этнографии скотоводческих народов.

Г. Е. Марков